

МЕТОДОЛОГИЯ КИТАЙСКИХ РЕФОРМ И КОНФУЦИАНСТВО

В.Г. БУРОВ

Успехи Китайской Народной Республики в осуществлении экономических реформ общеизвестны. Естественно возникает вопрос, почему советское руководство не взяло за образец китайский опыт социально-экономических преобразований, ведь у этих двух стран к моменту реформ было много общего: руководящая роль коммунистической партии, плановая экономика, одинаковые идеологические установки. Однако пришедший к власти в Советском Союзе М. Горбачев не пошел по китайскому пути. Он и его окружение, не создав необходимых экономических предпосылок, взяли курс на реформирование политической системы. При этом они ссылались на наличие в партии консервативных элементов, которые якобы сопротивляются осуществлению реформ. Ликвидация 6-й статьи Конституции, обеспечивавшей руководящую роль Компартии, в конечном счете, привела к дезорганизации политической системы общества, поскольку Компартия была ее несущей конструкцией. Абсолютным политическим нонсенсом было обсуждение общегосударственных вопросов на съездах народных депутатов, проведение которых подавалось как торжество подлинной демократии. В этой связи следует сказать, что именно аргумент об отсутствии демократии в Китае послужил одним из оснований для неприятия китайского опыта¹.

После распада Советского Союза и образования Российской Федерации пришедшая к власти группа Ельцина взяла курс на заимствование западной модели развития страны. Естественно, что в этих условиях не могло быть и речи об использовании китайского опыта. Аргументы ельцинистов и их нынешних последователей обычно сводятся к следующему: конечно, опыт Китая заслуживает внимания, но необходимо учитывать следующие обстоятельства: исключительное трудолюбие китайцев, дешевизна рабочей силы. Доминировала и продолжает доминировать точка зрения, что Россия не Китай, поэтому не принимались во внимание доводы экспертов – в частности, из Института Дальнего Востока Российской академии наук – о необходимости использования в России определенных элементов китайской экономической модели развития.

Конечно, Россия не Китай, этот бесспорный тезис никто не собирается оспаривать, однако *в китайском опыте, в китайских реформах есть такие методологические принципы, которые носят, в сущности, универсальный характер.*

Первый методологический принцип – это постепенность в осуществлении реформ. Когда в декабре 1978 г. на XI пленуме ЦК КПК 11-го

созыва было принято решение о переходе к новой экономической политике — «политике реформ и открытости», это не сопровождалось немедленным переходом к рыночным отношениям. Процесс реформирования плановой экономики в рыночную фактически не завершен, он продолжается вплоть до сегодняшнего дня. В период так называемой «культурной революции» экономическая система китайского государства была разрушена, поэтому в первые годы после ее окончания было принято решение о восстановлении «социалистической плановой экономики»; впоследствии стали говорить о необходимости использования в ней рыночных механизмов и только по прошествии определенного периода времени появилась концепция «социалистической рыночной экономики». Затем на протяжении 10 с лишним лет шел процесс постепенного расширения использования рыночных механизмов в экономике. В официальных документах это выражалось в словах «усилить роль рынка», «обратить еще большее внимание на рыночные отношения» и т.п. Наконец, в октябре 2013 г. на X Пленуме ЦК КПК 18-го созыва было заявлено о *«решающей роли рынка в экономике»*. Таким образом, это важное заявление было сделано после 35 лет осуществления «политики реформ и открытости» (!). При этом роль государства, правительственных органов в регулировании макроэкономических процессов остается. Именно благодаря такому подходу к реформированию экономики в Китае удалось избежать серьезных кризисных явлений, обеспечить устойчивый экономический рост в народнохозяйственном комплексе. Сегодня в зарубежных и российских средствах массовой информации иногда можно встретить утверждения о замедлении темпов экономического роста в Китае. Ссылаются при этом на то, что если раньше прирост ВВП в стране составлял более 10%, то сейчас он составляет только 7% с небольшим. При этом забывают сказать, что размер народнохозяйственного комплекса в Китае в 2014 г. намного больше того, что был допустим в 90-х гг., тем более в 80-х гг. прошлого столетия. Не сбываются и прогнозы американского экономиста Н. Рубини, который в 2010 г. предрекал крах китайской экономики в 2012 — 2013 гг., однако уже в 2014 г. Китай превзошел США по объему ВВП. За период осуществления «политики реформ и открытости» появились тысячи профессиональных, компетентных специалистов, обладающих и знаниями, и опытом, необходимыми для управления экономикой.

В противоположность тому, что происходило в Китае, в России был избран другой способ решения накопившихся экономических проблем — метод шоковой терапии, автором которой был кабинетный теоретик Е. Гайдар. Результаты применения этого способа общеизвестны — развал экономической системы государства, исчезновение целых отраслей промышленности, безработица, потеря целого поколения квалифицированных инженерно-технических кадров и людей

рабочих профессий, кризис финансовой сферы, закончившийся дефолтом 1998 г. Китайские эксперты негативно оценивают период экономических реформ в России в 90-х гг. прошлого столетия и не считают Е. Гайдара серьезным экономистом.

Второй методологический принцип – это серьезная аналитика, тщательная проработка принимаемых решений на всех уровнях. В России, как известно, существуют многочисленные политологические центры, как правило, общественного характера. Они предлагают свои рецепты решения экономических и политических проблем, но в сущности не отвечают за их эффективность, ибо не подотчетны государственным органам. В Китае ситуация иная, здесь на уровне провинций и городов центрального подчинения существует широкая сеть аналитических центров, но все они являются государственными или партийными: государственные центры занимаются в основном исследовательской работой в сфере экономики, партийные – в сфере политики. Естественно, что все эти центры несут ответственность за предлагаемые ими рекомендации. К примеру, при Госсовете (Правительстве) КНР есть «Центр изучения развития» (Фачжань яньцзю чжунсин), в котором работает около 200 аналитиков – имеющих ученые степени научных сотрудников, занимающихся изучением положения в промышленности, сельском хозяйстве, социальной сфере, образовании и т.п. Этот центр, который можно назвать министерством стратегического анализа, возглавляет директор в ранге министра. Работу Центра курирует первый заместитель премьера Госсовета. Сотрудники Центра в курсе новейших тенденций в мировой экономической науке. Центр регулярно проводит международные конференции, для чтения лекций и обмена мнениями приглашаются ведущие мировые экономисты. Конечно, аналитической работой занимаются не только «Центр изучения развития» при Госсовете и соответствующие Центры в провинциях и крупных городах: аналогичные исследования проводятся в крупных университетах (Пекинском, Цинхуа, Народном и др.) и в Китайской Академии общественных наук, которая находится в тесном контакте с отделами ЦК КПК. Научно-исследовательская работа китайских обществоведов, результаты их исследований востребованы в китайских директивных инстанциях, чего не скажешь о ситуации в России.

Третий методологический принцип – продуманная кадровая политика. В период культурной революции, во время массового избиения кадров и вакханалии в китайской кадровой политике, появилось такое явление, как «кадровые работники – ракеты» (хоцзянь ганьбу). В те годы многие за небольшой период времени делали головокружительную карьеру, например, некто Ван Хунвэнь за 4 года проделал путь от простого охранника на одном из шанхайских предприятий до заместителя Председателя ЦК КПК, т.е. Мао Цзэдуна. И таких фактов было немало.

В настоящее время такой практике положен конец. Теперь, чтобы занять руководящий пост в партийном или государственном аппарате, необходимо приобрести опыт низовой работы. Нет в Китае и практики искусственного омоложения кадров. Поэтому руководители провинциального уровня, министры – это как правило лица в возрасте около 50 лет, а члены Политбюро – в возрасте 50 – 60 лет и старше. Нынешний генеральный секретарь ЦК КПК и председатель КНР Си Цзиньпин (1953 г. р.) начинал свою трудовую деятельность с небольшой должности в правительственном аппарате, а затем прошел все ступени служебной карьеры от уезда до провинции. Следует также отметить, что в Китае существует стройная, разветвленная система подготовки и переподготовки партийных и государственных кадров; партийные школы и административные институты работают на всех уровнях – от волостей, уездов, городов, провинций до столицы. Центральная партийная школа в Пекине выполняет функцию «главной кузницы» партийных и государственных кадров – в ней проходят переподготовку кадровые работники высшего звена². Лекции в ней читают не только преподаватели школы, в ней регулярно выступают министры, высшие руководители партии и государства, в том числе генеральный секретарь ЦК КПК и премьер Госсовета. Такой практики в России нет.

Учатся и сами руководители китайского государства. Примерно 10 лет тому назад Политбюро ЦК КПК стало проводить теоретические семинары, посвященные обсуждению актуальных теоретических проблем экономики, политики, международных отношений, истории. Докладчиками на этих семинарах выступают, как правило, ученые – специалисты по теме семинара³. В бытность Си Цзиньпина первым секретарем парткома провинции Чжэцзян он специально попросил прочитать ему несколько лекций по истории китайской философии.

Четвертый методологический принцип – при решении конкретных социально-экономических и идеологических задач обязательно учитываются условия Китая, другими словами, устанавливается, насколько предлагаемые меры отвечают возможностям, существующим в китайском обществе. Следует подчеркнуть, что такой подход вытекает из общей установки руководства КПК, выдвинутой еще Мао Цзэдуном и сформулированной как «китаизация марксизма». Этот термин прочно вошел в идеологию КПК с конца 30-х гг. прошлого столетия. Первоначально он звучал следующим образом: соединение общих принципов марксизма с конкретной практикой китайской революции.

Китаизация марксизма началась еще в 30-е гг. прошлого столетия, в период гражданской войны КПК с ГМД, когда Мао Цзэдун выступил с идеей «деревня окружает город». Как известно, азбучной истиной

марксизма в тот период было положение о том, что основной движущей силой социалистической революции является рабочий класс и что поэтому она должна начинаться и проходить в городах. Так и поступала Компартия Китая в 20 — 30-е гг., однако такая социальная практика не принесла ей успехов в условиях страны, где крестьянство составляло подавляющее большинство населения, а рабочий класс был малочисленным и опираться только на него было утопией, тем более, что в городах правящая партия Гоминьдан имела сильные позиции. Поэтому Мао Цзэдун был совершенно прав, когда выдвигал свою идею. Тогда же в борьбе с японскими агрессорами, а позднее с ГМД он предложил создать единый фронт, включающий не только рабочих, крестьян и интеллигенцию, но и национальную буржуазию. Это нашло свое отражение в его теории «новой демократии».

В первые годы существования КНР Мао Цзэдун изменил своему подходу, характерному для него в 30 — 40-е гг., и перешел на ортодоксальные, догматические позиции. Такая эволюция взглядов в конечном счете привела его к развязыванию так называемой культурной революции, которая свергла Китай в политический и экономический хаос.

Новое руководство китайского государства во главе с Дэн Сяопином, пришедшее к власти после смерти Мао Цзэдуна, выдвинуло новую концепцию модернизации страны, которая позднее получила название «теория Дэн Сяопина». Эту теорию можно назвать *китайской версией социализма*. Дэн Сяопин не писал специальных теоретических работ: «теория Дэн Сяопина» стала результатом обобщения его высказываний по различным вопросам внутренней и внешней политики, содержащихся в его многочисленных выступлениях по проблемам социалистического строительства. Она принципиально отличалась от так называемой теории научного социализма, которая в тот период доминировала в мировой марксистской мысли и прежде всего в Советском Союзе и социалистических странах. Она порвала с утопическими представлениями о классовой, социальной природе социалистического государства, о содержании его экономического строя и, наконец, о характере коммунистической партии. Следует также подчеркнуть, что, в соответствии с этой теорией, продолжительность переходного периода к социализму намного увеличивалась. В последней редакции Устава Компартии Китая прямо говорится, что этот переходный период займет более ста лет⁴. В этой связи обращает на себя внимание легализация частной собственности как равноправной формы собственности, а также признание буржуазии (в китайской терминологии «предпринимателей») участником строительства социализма. Такая точка зрения противоречила общепринятым марксистским взглядам, что вызывало возражения в кругах марксистских теоретиков за рубежом⁵.

Подобные теоретические новации китайских коммунистов, на наш взгляд, объясняются тем, что им приходится осуществлять «социалистическую модернизацию» в крайне отсталой стране при отсутствии необходимого количества материальных и финансовых ресурсов. Естественно, что они вынуждены обращаться за инвестициями, современными технологиями к иностранным государствам, прежде всего, западным.

Единственное преимущество Китая в этой ситуации – это дешевая рабочая сила и исключительное трудолюбие его граждан, о чем мы уже упоминали выше. И эти преимущества были использованы в полной мере. Конечно, открытие страны для внешнего мира, широкое использование опыта западных стран, сопровождавшееся привлечением иностранных специалистов, помимо колоссальных выгод имело и свои негативные стороны, связанные с проникновением буржуазных идей. Сюда следует добавить и отрицательное влияние рыночных отношений. В Китае появились такие явления, как серьезная имущественная дифференциация, коррупция, падение нравов и т.п. Все это стало размывать идейно-политические устои китайского общества.

Для преодоления отрицательных явлений руководство КПК принимает целый ряд мер административного и идеологического характера. Административные меры включают прежде всего усиление борьбы с коррупцией. Еще при прежнем руководстве (Ху Цзиньтао) был озвучен тезис о том, что коррупция угрожает самому существованию партии и государства, поэтому в период между XVII (2008) и XVIII (2012) съездами КПК к уголовной ответственности было привлечено 10 крупных чиновников, в том числе военных, в ранге министров. За последние 2 года уровень лиц, привлеченных к уголовной ответственности, резко вырос – теперь среди них оказались, как пишет китайская печать, «большие тигры»: три члена Политбюро ЦК КПК. Первым «пострадал» Бо Силай, бывший до осуждения к пожизненному заключению Первым секретарем Чунцина, города центрального подчинения (его отец Бо Ибо – старый революционер, один из соратников Мао Цзэдуна). Другой член высшего партийного руководства, привлеченный к уголовной ответственности, генерал-полковник Сюй Цайхоу, был Первым заместителем Председателя Центрального военного совета⁶. Наконец, совсем недавно было объявлено об аресте Чжоу Юнкана – бывшего члена Постоянного комитета Политбюро, отвечавшего в нем за вопросы безопасности⁷.

Если проводить сравнение с Россией, то оно будет не в нашу пользу, в нашей стране самым высшим чиновником, привлеченным к уголовной ответственности является заместитель министра регионального развития. Разительный контраст! Следует заметить, что практика привлечения к ответственности за коррупцию высших должностных лиц государства находит широкую поддержку среди различных слоев

населения китайского общества. Другой административной мерой китайского правительства является его намерение вернуть в Китай бежавших из страны коррупционеров и принадлежащие им активы. Об этом ведутся соответствующие переговоры с властями иностранных государств.

Одновременно с продолжением курса на китаизацию марксизма в последние годы наблюдается очевидное изменение в идеологической политике Компартии Китая, что связано с процессами, происходящими в общественном сознании. Хотя китаизация марксизма позволяет удерживать население под влиянием официальной идеологии, тем не менее интерес к марксистскому учению, особенно среди молодежи, несомненно, падает. Это связано не только с изменившимися условиями жизни, возможностью общения с представителями западных стран, культурой последних (по неофициальным данным в 2014 г. за границу выезжало 50 млн китайцев, в основном в туристические поездки), но и с тем, что марксизм сегодня уже не в состоянии удовлетворять запросы представителей различных слоев китайского населения.

Происходит усиление идейно-политической работы в обществе, что закреплено в Уставе партии. В нем подчеркивается, что необходимо уважать труд, уважать знания, уважать талант, уважать творчество, что следует развивать национальный дух, сердцевиной которого является патриотизм, и одновременно дух эпохи, сердцевиной которого являются реформы и инновации, наконец, необходимо добиться того, чтобы китайский народ стал народом, обладающим идеалами, моралью, культурой и дисциплиной⁸.

Одновременно, уловив тенденцию возрастания интереса интеллигенции, всех граждан страны к своему духовному наследию, руководство Компартии Китая в настоящее время наряду с пропагандой китаизированного марксизма начинает активизировать работу по распространению традиционной китайской культуры. С этой целью широко популяризируется конфуцианство, ему посвящаются многочисленные научные труды и конференции, во многих городах страны 28 сентября проводятся мероприятия, посвященные дню рождения Конфуция. Особенно красочными являются торжественные церемонии, проводимые на его родине — в г. Цюйфу, провинции Шаньдун⁹. Существующие практически во всех странах мира Институты по распространению китайского языка и культуры носят имя Конфуция. О значении, которое придает распространению традиционной культуры китайское руководство, свидетельствует выступление на V Международном форуме, посвященном 2365-й годовщине со дня рождения Конфуция, Си Цзиньпина. Смысл его выступления сводился к тому, что необходимо обратить серьезное внимание на богатейшие философские идеи, содержащиеся в традиционной китайской

культуре, прежде всего в конфуцианстве, а именно, на присущие ей гуманистический дух, педагогические идеи, нравственные идеалы, на то, что их духовный потенциал способен помочь в управлении государством, в политической деятельности, в формировании совершенных моральных принципов.

Возникшее на рубеже VI – V вв. до н.э. конфуцианство прошло сложный путь развития. Очевидно, что в учении его основоположника, великого китайского мудреца Конфуция содержались идеи человеколюбия, почтительного уважения к старшим по возрасту и должности. Конфуций уделял большое внимание совершенствованию нравственности человека, идеалом для него был благородный муж (цзюньцзы) – носитель совершенных качеств. Впоследствии, по мере укрепления феодального строя, тот факт, что в образе благородного мужа у Конфуция выступал правитель, стал использоваться для оправдания господства сменявших друг друга династий. Постепенно конфуцианство стало официальной идеологией. По этой причине оно было подвергнуто резкой критике в 10-х гг. XX столетия во время «движения за новую культуру» и позднее в 70-х гг. – на этот раз критика его была связана с политической кампанией, развязанной Мао Цзэдуном против Линь Бяо.

Поучения Конфуция, изложенные в книге «Лунь-юй», и их интерпретация в работах его многочисленных последователей в течение столетий служили нравственными максимами, которые должны были определять поведение представителей китайской бюрократии в обществе. Они входили в тематику экзаменационных сочинений, которые были обязаны писать кандидаты на занятие должностей в государственном аппарате. Критики конфуцианства обвиняли его в том, что оно было консервативной идеологией, оторванной от реалий китайской действительности XX столетия.

Конечно, критические замечания в адрес конфуцианства имели под собой основания. На рубеже XIX – XX вв. перед китайским обществом встала задача модернизации, освобождения от пережитков феодализма. Естественно, что конфуцианство рассматривалось его оппонентами как их идеологический синоним, многие представители интеллигенции – от марксистов до либералов считали, что идеи Конфуция препятствуют социальному прогрессу страны. В тот период их критические замечания были во многом справедливы.

Однако помимо обоснования социально-классовых различий, которые были гипертрофированы представителями правящих кругов китайских династий, в учении самого Конфуция содержались рациональные моменты, имевшие общечеловеческое, вневременное значение. Речь идет о простейших правилах поведения людей в обществе, независимо от их социального статуса – взаимоважении, честности, справедливости, соблюдении долга и т.п.

Очевидная реабилитация Конфуция и конфуцианства в настоящее время несомненно связана с тем, что, очищенные от наслоений феодального общества, его идеи могут послужить духовной основой развития китайской нации. В этой связи нельзя не обратить внимание на те принципы конфуцианского учения, которые определяют его значимость сегодня. Конфуцианство представляет собой систему ценностей, регулирующих отношения людей. Рассуждения Конфуция, часто сформулированные в форме афоризмов, были весьма глубокими. Рассматривая исторические события и деяния предшественников, Конфуций стремился найти в них эталон китайской мудрости и образцы этических ценностей. При этом он стремился сделать их достоянием всех китайцев, независимо от их статуса. Благодаря самосовершенствованию каждый человек способен обрести нравственные ценности. Самосовершенствование осуществляется в процессе воспитания, образования, которое должно быть доступно всем.

Конфуций признавал существование сверхъестественного мира, однако прежде всего его интересовала реальная жизнь людей с ее повседневными заботами. Отвечая на вопрос одного из своих учеников, в чем состоит мудрость, он сказал: «Должным образом служить народу, почитать духов, но держаться от них подальше — в этом и состоит мудрость» («Лунь юй»)¹⁰. В традиционной китайской культуре не существовало дихотомии «этот мир» и «другой мир». Оба они составляли единое целое благодаря конфуцианской этике. По словам выдающегося китайского философа Фэн Юлани, «Четверокнижие является Библией для китайского народа, но в Четверокнижии ничего не говорится о творении и нет упоминаний о Небе или об Аде»¹¹. Трактаты, входившие в эту книгу, были средоточием человеческой мудрости, а не изложением божественных откровений. Поэтому можно говорить о рационалистическом характере конфуцианства или «конфуцианском рационализме».

Согласно представлениям конфуцианства, все люди — речь идет прежде всего о китайцах — находятся в родственных отношениях друг с другом. Если семья — это государство в миниатюре, то государство — это расширенная (большая) семья. Поскольку семья является основной социальной группой, ценности конфуцианского рационализма ориентированы на нее. Семейные узы рассматриваются каждым ее членом как постоянные и поэтому каждый человек обязан проявлять лояльность по отношению к семье на протяжении всей своей жизни. Подобные отношения не ограничиваются только семьей, они охватывают более широкий круг людей — однофамильцев, соседей, земляков, соучеников и т.п. Ко всем им также относятся как к членам своей семьи. Таким образом, в противоположность западному рационализму, точкой отсчета для которого выступает индивид, конфуцианский

рационализм основой человеческих взаимоотношений считает семейный коллективизм.

Одновременно конфуцианское учение учит тому, как «стать человеком». «Стать человеком» предполагает процесс непрерывного, постоянного саморазвития, самосовершенствования. Он носит двусторонний характер: с одной стороны, происходит овладение профессиональными, техническими навыками и специальными знаниями, а с другой стороны — осознание особенностей своего «я», его многослойного характера, совершается процесс самопознания.

Когда конфуцианство говорит о «я», речь идет не об отдельном человеке и тем более не об изолированном существе, а о средоточии его различных отношений с окружающим миром. Человек существует как бы во все расширяющемся жизненном пространстве, начиная от семьи и кончая обществом, государством, космосом. Согласно конфуцианству становление человека означает реализацию своего «я», развитие своих природных качеств.

Согласно конфуцианской этике, руководитель должен обладать добродетельными нравственными качествами, убеждать людей своим личным примером, только в этом случае он сможет повести их за собой. Идеальным в конфуцианстве считался мудрый правитель. Им мог стать лишь такой правитель, который был в состоянии воспитать в себе необходимые для этого качества и создать в обществе атмосферу согласия. Только тогда его право на руководство признавалось теми, кем он руководил.

Конфуцианство изначально было системой нравственных принципов, ориентированных исключительно на политику, для Конфуция политика и мораль были неразрывны. Поэтому он пропагандировал хорошее правительство, которое правит скорее с помощью добродетели и нравственных принципов, чем наказаниями или силой. Критерием добродетели у него была справедливость, противоположностью которой выступала выгода. Для Конфуция личная добродетель и политическая добродетель были неразделимы, управлять могли все, кто обладал добродетельными качествами, и напротив, кто не имел их, управлять не мог. Человека добродетельного поведения называли благородным мужем, причем независимо от того, относился добродетельный человек к простолюдям или к семье правителя.

Широкое распространение конфуцианской этики послужило основой сохранения Китайского государства как единого культурного пространства. Китайская политическая элита играла роль выразителя **всеобщей воли** политического сообщества, а не собирателя различных интересов его членов. Естественно, что при решении задач государственного строительства китайская политическая элита обращалась не только к конфуцианству, она опиралась также на силу и закон. Однако как бы эффективны они ни были, их использование

требовало затраты многих людских и финансовых средств. В то же время применение конфуцианской идеологии «стоило» сравнительно немного, ее функции были разнообразны – она служила и кодексом правил межличного общения, и критерием для подбора чиновников, и основой для политического наказания, и мотивацией для участия в политических действиях. Благодаря конфуцианской идеологии обеспечивалось единство сознания народа и правительства. Соединение власти и идеологии, политическая интеграция нации позволяли осуществлять любые государственные мероприятия.

Следует отметить, что подчеркивая важность опоры на собственные культурные традиции, в Китае отнюдь не отказываются от использования иностранного опыта в области экономики, государственного управления. Несколько лет тому назад я видел на территории Китайского Народного Университета огромный плакат с рекламой международной научной конференции, посвященной состоянию китайской экономики с участием более десяти крупных мировых знаменитостей, в том числе четырех (!) Нобелевских лауреатов. Многие китайские ученые и практические работники, в том числе партийные кадры, выезжают за границу либо для изучения иностранного опыта, либо для учебы. Но в любом случае принятие окончательных решений остается за китайской стороной.

В настоящее время Компартия Китая выдвинула на повестку дня решение задач «двух столетий» (лянгэ байнянь). Первые сто лет означают достижение к столетней годовщине создания Компартии, т.е. к 2021 г. уровня общества «малого благоденствия» (по-китайски «сяокан»), вторые сто лет означают достижение к столетней годовщине образования КНР, т.е. к 2049 г. в производстве внутреннего валового продукта на душу населения уровня среднеразвитых стран.

В заключение следует обратить внимание на следующее обстоятельство. Хотя Китайская Народная Республика является стратегическим партнером Российской Федерации, ее модель экономического развития, ее опыт реформирования государственных предприятий, правила функционирования банковской системы и т.д. остаются, в сущности, вне поля зрения правительственных органов нашей страны.

Сейчас, в условиях серьезных экономических трудностей в нашей стране, мы могли бы ориентироваться не только на экономические методы, выработанные в западных странах, но также более тщательно анализировать китайский опыт. Эксперты, работающие в области изучения современных китайских реалий, в частности, в академических институтах и высших учебных заведениях, накопили богатый материал в этом отношении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мне лично об этом говорили два сотрудника из аппарата горбачевской администрации после 1991 г.

² Например, в один из моих приездов в Университет Цинхуа я узнал, что его ректор находится на месячных курсах в Центральной партийной школе.

³ Например, несколько лет назад один из семинаров был посвящен теме, которая звучала примерно так: «Роль И.В. Сталина в истории Советского Союза и отношение к нему в современной России».

⁴ См.: Устав Коммунистической партии Китая. – Пекин, 2012. С. 6 (на кит. яз.).

⁵ В сентябре 1989 г. во время моего пребывания в Китае в частном разговоре с коллегами из ГДР мне пришлось выслушивать с их стороны обвинения в ревизионизме в адрес китайской концепции социализма.

⁶ В Китае существует следующая система управления вооруженными силами – кроме Министерства обороны есть еще Центральный военный совет, который стоит над ним. Его председателем, т.е. верховным главнокомандующим является председатель КНР.

⁷ Постоянный комитет Политбюро – это своего рода Президиум Политбюро, в него входят от пяти до девяти членов Политбюро, в настоящее время в нем состоит семь членов.

⁸ См.: Устав Коммунистической партии Китая. С. 8, 12.

⁹ Мне довелось участвовать в последней из них, проводившейся в этом году и возлагать цветы от имени российской делегации.

¹⁰ См.: Древнекитайская философия. Т. I. – М., 1973. С. 152.

¹¹ См.: *Feng Yu-lan. A short history of Chinese philosophy.* – N. Y., 1960. P. 242.

REFERENCES

- Charter of the Chinese Communist Party. Beijing, 2012 (in Chinese).
 Drevnekitaiskaya filosofia [Ancient Chinese Philosophy]. 1. Moscow, 1972. 363 p. (in Russ.)
 Feng Yu-lan. A short history of Chinese philosophy. New York, 1960.

Аннотация

Успехи китайских экономических реформ обусловлены их методологией – постепенностью в принимаемых решениях, серьезной аналитической работой при подготовке тех или иных экономических мероприятий, продуманной кадровой политикой, непрерывным учетом социально-экономических и исторических условий Китая при выработке экономических проектов. Руководство Китая следует принципу китаизации марксизма, соединяя его с пропагандой отечественного духовного наследия, прежде всего, конфуцианства.

Ключевые слова: четыре методологических принципа реформ в Китае, китаизация марксизма, теория Дэн Сяопина, конфуцианство, российские средства массовой информации и Китай.

Summary

Success of Chinese reforms is caused by their methodology – gradualness of decisions, strong analytical work at preparation of economical measures, well thought-out personal policy, consideration of social-economical and historical Chinese conditions during preparation of business projects. Chinese leaders follows the principle of Chinese Marxism joined with propaganda of native mental heritage, first of all Confucianism.

Keywords: four methodological principals of Chinese reforms, Chinese Marxism, Teng Hsiao-ping theory, Confucianism, Russian mass media and China.